

Ивашнёва Лидия Леонидовна

К ПРОБЛЕМЕ СПЕЦИФИКИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Исследование жанровой природы фольклорной легенды, своеобразия её поэтики, научное описание разновидностей жанра и их доминантных признаков - одни из актуальных задач фольклористики. Очевидна перспективность поисков их решения и в теоретическом аспекте, и в практике издания устных легенд. В наши дни объектом интенсивного изучения являются агиографические и эсхатологические легенды, а также малоисследованная жанровая разновидность - легенды об обмираниях. Многообразие парадигмы фольклорных легенд, их постоянное взаимодействие с другими жанрами предопределяют введение новых дефиниций и уточнение существующих.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 23-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**“LITAUISCHE CLAVIERE” AND GERMAN-LITHUANIAN NATIONAL CONFLICT:
ARTISTIC PROBLEMATICS OF THE NOVEL**

Gil'fanova Gul'nara Tavkil'evna, Ph. D. in Philology
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
gulnara_tav@mail.ru

The article presents the problematics of “Litauische Claviere” connected with the specificity of the artistic interpretation of national history by J. Bobrowski. The German writer from Eastern Prussia particularly highlights the historical events of pre-war Germany. A part of the “unconquerable” past of the German history is connected with the destinies of the heroes of his novels and short stories.

Key words and phrases: artistic conception of history; Eastern Prussia; national-historical problematics; problematics of art; narrative style.

УДК 398.7

Исследование жанровой природы фольклорной легенды, своеобразие её поэтики, научное описание разновидностей жанра и их доминантных признаков – одни из актуальных задач фольклористики. Очевидна перспективность поисков их решения и в теоретическом аспекте, и в практике издания устных легенд. В наши дни объектом интенсивного изучения являются агиографические и эсхатологические легенды, а также малоисследованная жанровая разновидность – легенды об обмираниях. Многообразие парадигмы фольклорных легенд, их постоянное взаимодействие с другими жанрами предопределяют введение новых дефиниций и уточнение существующих.

Ключевые слова и фразы: агиографические легенды; апокрифические легенды; космогонические легенды; легенды «о возмездии»; легенды об обмираниях.

Ивашнёва Лидия Леонидовна, к. филол. н.
Астраханский государственный университет
kafruslit@mail.ru.

К ПРОБЛЕМЕ СПЕЦИФИКИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Сложный, во многом уникальный художественный мир фольклорной легенды привлекает внимание современных исследователей народной духовной культуры. Между тем далеко не решены проблемы жанровой сущности и эстетической природы легенды, как и тесно связанные с ними вопросы внутрижанровой классификации имеющегося корпуса текстов, опубликованных и архивных. Структурное многообразие устной легенды и её недостаточная изученность осложняют проблему жанровой дефиниции.

В работах отечественных учёных термин «легенда» чаще всего применяется по отношению к повествованиям религиозного содержания: к апокрифическим рассказам на библейские темы, народным жизнеописаниям святых и рассказам о посмертных чудесах, о силе молитвы, грехе и праведности, поругании святынь и возмездии. В то же время к легендам относят и более широкий круг прозаических фольклорных текстов, отмеченных эстетикой фантастического и чудесного.

Наблюдается тенденция заменить термин «легенда» другими обозначениями. В частности, автор статьи «Москва в зеркале современных православных легенд» Е. Е. Левкиевская называет городские легенды «православными быличками» [10, с. 808]. Ю. М. Шеваренкова в монографии «Исследования в области русской фольклорной легенды» выделяет «легенды-былички» и «легенды-предания» (наряду с агиографическими и этиологическими легендами) [19, с. 41]. Действительно, быличку и легенду объединяет фантастическая сюжетная основа. Их, несомненно, роднит инвариантный мотив встречи главного героя со сверхъестественными существами. Для святого, как и для персонажа былички, типично пребывание сразу в двух мирах. Важным общим элементом является установка на достоверность изображаемого.

Однако их отождествление, пусть даже условное, ведет к размыванию жанровых границ. Такой подход способен нивелировать существенные смысловые и структурные различия, ценностные ориентации разных по происхождению жанров сказочной прозы. В эпизодах легенды о встрече человека с небесными силами ключевой мотив чуда и события сюжетной линии обусловлены Божьей волей с целью помочь людям в сложной ситуации. В мифологической прозе контакт человека с демонологическим существом предопределён нарушением запретов бытового либо ритуального поведения главного героя, что нередко приводит к трагическому финалу. Например, если нарушен запрет тосковать по умершему, «нечистик» в облике покойного является по ночам в его дом, чтобы погубить осиротевшую семью. Быличка часто ассимилирует признаки легенды, сохраняя при этом характеристики мифологического рассказа. Легенда в ещё большей мере, чем былички и предания,

открыта для межжанровых влияний – на всех этапах развития жанра. Она изначально содержит в себе черты фольклорных и книжных жанров (сказки, апокрифа, жития и др.), что не противоречит её самобытности.

Существует множество определений жанра легенды, нередко значительно различающихся между собой. Между тем наблюдаются положительные тенденции. Современные фольклористы (вслед за дореволюционными учёными) акцентируют внимание на религиозном компоненте фольклорной легенды, значимом её свойстве. На основе собственных разысканий в области легенды Ю. М. Шеваренкова формулирует итог изучения и своё видение этого жанра как «совокупности народных религиозных представлений, выраженных сюжетным повествованием» [Там же, с. 20]. В. П. Аникин полемически утверждает: не существует легенд, «свободных от христианской веры» [1, с. 296]. Сюжетообразующие концепты жанра легенды выделены Л. В. Фадеевой: «Легенда как жанр несказочной прозы объединяет обширный круг текстов, повествующих о событиях, которые происходят в мире людей (тварном мире) вмешательством воли Бога (Творца). В основе легенды лежит представление о чуде – явлении, не постижимом человеческим разумом» [17, с. 457].

Таким образом, если исходить из анализа текстов и истории изучения жанра, фольклорная легенда – это рассказ религиозно-нравственного содержания, восходящий к традициям Библии, агиографии, апокрифов, других книжных и фольклорных источников. Легенда имеет морально-дидактическую установку на воспитание человека, что обусловлено художественной задачей жанра: дать представление о добре и зле в его христианском понимании. Для легенды характерны духовная доминанта сюжетного повествования, своеобразный хронотоп и особая система персонажей: это небожители (Бог, Богоматерь, апостолы, ангелы, святые) и люди, а также другие земные существа. Ключевой концепт чуда структурируется мифологическими представлениями о двоимирии, то есть о явленной человеку реальности и невидимой сущности бытия и о взаимодействии между ними. Парадигме разновидностей фольклорных легенд свойственны многообразие и изменчивость, поэтому требуется критический анализ устоявшихся мнений, необходимо введение новых дефиниций.

Многие фольклористы выделяют в особую разновидность *социально-утопические легенды* об утраченном «золотом веке», о фантастических далеких землях, где царят справедливость и изобилие, и о возвращающихся царях-избавителях, исследованные К. В. Чистовым [18]. В наши дни исторический утопизм народного мирозерцания нередко соединяется с мифологизированным образом идеального «истинного царя», который может спасти Россию. Как видно из работ М. В. Ахметовой [2; 3], Е. Е. Левкиевской [11], А. В. Тарабукиной [16], Т. Б. Щепанской [20] и других ученых, такие тексты особенно популярны в прихрамовой и паломнической среде. В наши дни они перекликаются с эсхатологическими легендами, выделение которых в отдельную жанровую разновидность не вызывает возражений. Однако если исходить из приоритетной роли в анализируемом жанре христианской составляющей, нельзя не отметить противоречия между почти общепризнанным выделением разновидности социально-утопических легенд и отсутствием в них религиозных компонентов. Логичнее было бы считать русскую народную утопию отдельным самостоятельным жанром.

В то же время сюжеты и образы *эсхатологических легенд* порождены библейским текстом Откровения Иоанна Богослова или Апокалипсисом. Ожидание конца света сопровождает кризисные эпохи. Современный эсхатологизм – важная составляющая миропонимания разных слоев россиян. Как отмечает М. В. Ахметова в статье «Ожидание конца света в религиозных субкультурах постсоветской России» [3, с. 207-208, 214-215, 225-226], образы-символы и мотивы Апокалипсиса в легендах активно пересказываются и подвергаются интерпретации. Помимо статей, этой жанровой разновидностью легенд посвящена монография автора [2]. А. В. Тарабукина, исследователь народной прозы, созданной в прихрамовой среде, выявляет значительный пласт текстов, рисующих состояние эсхатологического ожидания, в котором пребывают многие верующие. Их мечтой «вместо будущего, сулящего гибель», становится «прошлое, уже состоявшееся спасение человечества» [16, с. 416].

Эсхатологические легенды, записанные нами на Нижней Волге, отличаются эмоциональностью стиля, категоричностью оценок и прогнозов. Сегодняшнего рассказчика-проповедника не смущает тот факт, что простому смертному не дано постичь тайных смыслов символической концептосферы Откровения Иоанна Богослова. Фольклорные нарративы о конце света составляют устную аналогию научной литературе по данной проблеме. Народные толкования Апокалипсиса по-своему дополняют эти труды и противостоят им мифологизмом выраженных мыслей и чувств.

Агиографические легенды выделяются в отдельный тип в большинстве работ по народной прозе. Фольклористы считают их важнейшей составной частью анализируемого жанра. Легенды о святых представляют собой повествования о мирской либо иноческой жизни святых, о посмертных чудесах и других деяниях угодников Божьих. Фольклорная агиография чаще всего предшествует созданию церковных житий и является незаменимым источником для книжной традиции. Корпус фольклорных легенд о святых – это особая структурная целостность со своей системой персонажей, своеобразием хронотопа, специфической сюжетной основой нарратива. Агиографические легенды увязаны со всеми жанрами фольклорной прозы, взаимодействуют с древнерусской литературой, апокрифами и церковной книжностью. Они моделируют картину мира, в которой географическое и духовное пространство, историческое время и вечность составляют единое целое.

Уходящие корнями в традиции византийской книжности, канонические и фольклорные жития создают объёмный образ святости или «внесения идеального и божественного в жизнь человека» [5, с. 173]. Большое внимание уделяется в современных исследованиях не только жизнеописаниям святых, но и истории народного почитания природных сакральных объектов, связанных с памятью о небесных покровителях Русского Севера, Поволжья и других регионов. Фольклорная агиография как часть традиционной культуры рассматривается в монографии А. Б. Мороза [13, с. 13-138]. Анализ почти не изученных легенд о местночтимых

и общехристианских святых, почитаемых на Нижней Волге, позволил обнаружить необычное соединение чудесных и исторических пластов в структуре текстов. В легендах отразились представления о сугубой важности покровительства, заступничества высших сил для переселенцев из разных губерний России, волею судеб оказавшихся на Нижней Волге [6]. Легенды об устройтеле православия и храмосозидателе игумене Кирилле, прозванном в народе Строителем, о первом архипастыре Феодосии, отроке Боголепе Черноярском, митрополите Иосифе и других святых одновременно уникальны и традиционны, что соответствует эстетике фольклора. Таким образом, в локальных традициях агиографических легенд отчётливо проявляются черты местного своеобразия. Фольклорная легенда приобретает между тем идейно-художественную конкретизацию и жизненную правдивость [7, с. 6-12, 22-59].

Легенды об обмираниях – устные рассказы о посещениях «того света», повествования о восхождении в иной мир и странствиях души человека во время летаргического сна. Отдельные исследователи (С. Н. Азбелев [15, с. 573], Л. Л. Ивашнёва [8], Е. Е. Левкиевская [10, с. 810, 819]) считают эти фольклорные нарративы легендами. В них, несомненно, выявляются базисные составляющие жанра: религиозная основа, очевидные взаимосвязи с книжной традицией видений потустороннего мира и ярко выраженная поучительность. В данных легендах актуализируются христианские представления об устройстве мироздания, загробном мире, грехе и праведности и спасении души человека. В семантике и структуре этой разновидности легенд большое значение имеет зрительно воспринимаемый ряд образов и событий. Картина увиденного в иномирном пространстве сна преобразуется в словесную форму, в сюжетное повествование, что является своеобразной чертой поэтики легенд об обмираниях [8, с. 124, 127-130].

XX век породил огромное количество сюжетов о судьбе человека в антихристианском мире, о поругании православных святынь и Божьей каре за преступления в годы советской власти. Е. Е. Левкиевская считает современные *легенды о возмездии* самостоятельным структурным образованием, отдельным жанром. Автор отмечает архаичность происхождения сюжетов о возмездии, их актуальность, многочисленность и повсеместное бытование. Действительно, это бедствие коснулось в XX веке почти каждой семьи, поэтому легенды данного типа имеют общенациональное значение. Е. Е. Левкиевская выдвигает важный аргумент в пользу выделения нового жанра: «Общественная жажда справедливости, потребность в правосудии – вот основной нерв рассказов о возмездии». Не получив удовлетворительного разрешения в правовой государственной системе, указанная проблема «эксплицируется общественным сознанием в устной традиции и получает свое решение на сакральном уровне» [10, с. 819-820]. Общим структурным элементом данных сюжетов является, по мнению фольклористов, мотив возмездия от Бога, а не от людей, «наказание со стороны высших сил, потустороннего мира» [12, с. 202-203].

Наряду с легендами о возмездии Е. Е. Левкиевская предлагает тематическую систематизацию современных московских легенд. Выделены сюжеты *о вере и неверии*; произведения об *иконопочитании* и послереволюционном *иконоборчестве*; *о молитвенной связи человека с Богом*; *о даровании чуда по молитве*; *о праведности и святости*; *о грехе, наказании, покаянии и прощении*; *о предсказаниях и знамениях*; *о московских храмах*; *о случаях из жизни московских священников и иерархов* [10, с. 812-826]. Данные тематические группы известны по другим региональным традициям и, вероятно всего, могут быть дополнены. Но как они соотносятся с жанровыми разновидностями фольклорной легенды?

Отличие от легенд об обмирании и о возмездии *космогонические легенды* имеют солидную историю изучения. Они образуют контрастно симметричную пару эсхатологическим сюжетам: повествуют не о конечных судьбах мира, а о его сотворении. Однако и те, и другие напрямую увязаны с книжной традицией Библии и апокрифов, имеют религиозное содержание и назидательную направленность. Космогонические легенды всесторонне освещены в монографии В. С. Кузнецовой [9]. В этом исследовании представлена обширная литература вопроса и дана научная парадигма более частных разновидностей данных легенд. Автор последовательно рассматривает сюжеты о сотворении суши, творении ангелов и демонов, свержении сатаны с небес, творении первого человека в контексте библейской книжности и апокрифической традиции.

Книжные апокрифы и *апокрифические легенды* активно изучаются со времени основания отечественной филологии. Они пришли на Русь с принятием христианства, с богослужебной книжностью. Апокрифы близки каноническим текстам церковной книжности, но отличаются от них своей интерпретацией событий мировой истории, трактовкой действующих лиц Библии и агиографии. Фольклорные и книжные апокрифические тексты имеют общую идейно-художественную установку на герменевтику: толкование, уяснение сюжетов и образов Ветхого Завета, евангельских событий, житийных эпизодов и т.п. Апокрифическая легенда стремится дополнить Священное Писание, прояснить и конкретизировать его символический смысл. В религиозном сознании и мистическом опыте народа Священное Писание – это сакральный текст, а также памятник культуры, источник актуальных тем и сюжетов, которые могут быть творчески осмыслены и переработаны. Уже дореволюционная филологическая наука выявила многие книжные источники апокрифических легенд. Между тем остаются недостаточно изученными вопросы трансформаций и взаимодействий разнородного материала в системе жанровых разновидностей легенды и в её конкретных произведениях.

Выделение *этиологических легенд* обосновывается в работах О. В. Беловой [4; 14] и других исследователей. О. В. Белова включает в эту разновидность космогонические легенды [4, с. 90]. Однако нельзя не признать, что сюжеты о сотворении мира и человека космогонических легенд и о происхождении особенностей животных, птиц, рыб и других объектов сотворённого Богом мира имеют существенные различия. Этиологические сюжеты носят информативно-познавательный характер, что предопределяется значением термина,

установкой на объяснение причин и условий возникновения чего-либо. Этиологизм органически присущ мифам, архаическим сказкам и быличкам, этиологическим рассказам. В фольклорной прозе библейские сюжеты и образы часто ассимилируются с древними мифологическими представлениями. Но если обратиться к конкретным сюжетам этиологических легенд, нередко оказывается, что они имеют лишь этиологическую концовку. Например: воробьи прыгают, так как у них спутаны ноги в наказание за то, что они приносили гвозди, когда распинали Христа. Однако главным в содержании большинства аналогичных легенд является народная интерпретация Библии, тема греха и возмездия, назидательная функция. Тем самым обнаруживается, что терминологические обозначения, доминирующие признаки и сюжетный состав этиологических легенд всё ещё нуждаются в углублённом и всестороннем изучении.

Итак, народные легенды донесли до нас величайшие духовные ценности, они продолжали жить, наполняться новыми темами и сюжетами и в двадцатом веке, в десятилетия гонений на религиозную жизнь. Легенды отличаются богатством содержания и сюжетным многообразием. Они насыщены культурными концептами, историческими сведениями и реалиями повседневной жизни. Современная традиция устной легенды свидетельствует о жизнеспособности и востребованности жанра в духовной культуре народа.

Список литературы

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2004. 735 с.
2. Ахметова М. В. Конец света в отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ, РГГУ, 2010. 336 с.
3. Ахметова М. В. Ожидание конца света в религиозных субкультурах постсоветской России // Современная российская мифология: сб. статей / сост. М. В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 207-238.
4. Белова О. В. Легенды // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Российская энциклопедия, 2004. Т. III. К (Круг) – П (Перепёлка). С. 89-91.
5. Берман Б. И. Читатель жития (агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 159-183.
6. Ивашнёва Л. Л. Агиографические народные легенды Нижней Волги: отрок схимонах Боголеп // Русская литература. 2014. № 3. С. 84-105.
7. Ивашнёва Л. Л. Жанры фольклорной прозы: вопросы поэтики: монография. Астрахань: АГУ; ИД «Астраханский ун-т», 2014. 220 с.
8. Ивашнёва Л. Л. Народные легенды об обмираниях: своеобразие семантики и структуры // Временник Зубовского института. СПб.: Российский институт истории искусств, 2014. Вып. 2 (13). С. 118-135.
9. Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 250 с.
10. Левкиевская Е. Е. Москва в зеркале современных православных легенд // Лотмановский сборник. М.: РГГУ; ИЦ-Гарант, 1997. Т. 2. С. 805-835.
11. Левкиевская Е. Е. Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их образования // Современная российская мифология: сб. статей / сост. М. В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 175-206.
12. Мороз А. Б. Представления о грехе в современной традиционной культуре Русского Севера // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Пробел, 2000. С. 195-205.
13. Мороз А. Б. Святые Русского Севера: народная агиография. М.: ОГИ, 2009. 528 с.
14. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 576 с.
15. Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992. 608 с.
16. Тарабукина А. В. Эсхатологические рассказы «церковных людей» // Канун: альманах. СПб., 1998. Вып. 4. Антропология религиозности. С. 397-454.
17. Традиционная культура Гороховецкого края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: в 2-х т. М.: ГРЦ РФ, 2004. Т. 2. 619 с.
18. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.
19. Шеваренкова Ю. М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Н. Новгород: Растр-НН, 2004. 157 с.
20. Щепанская Т. Б. Антиматеринство. К народной эсхатологии // Христианство в регионах мира / отв. ред. Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2002. С. 219-230.

ON THE ISSUE OF SPECIFICITY AND SYSTEMATIZATION OF FOLK LEGEND

Ivashneva Lidiya Leonidovna, Ph. D. in Philology
Astrakhan State University
kafruslit@mail.ru

The study of the genre nature of folk legends, the uniqueness of their poetics, the scientific description of the genre varieties and their dominant characters are some of the most urgent problems of folklore studies. The perspective of the search for the solutions is obvious both in the theoretical aspect and in the practice of the publication of oral legends. Nowadays the object of intensive study is hagiographical and eschatological legends, as well as an unexplored genre – the legends of numbness. The diversity of the paradigm of folk legends, their constant interaction with other genres predetermine the introduction of new definitions and the revision of the existing ones.

Key words and phrases: hagiographical legends; apocryphal legends; cosmogonic legends; legends “of retaliation”; legends of numbness.